

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: (Письма миссионера) [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: V–IX, 30 июня, 25 июля, 8, 14 августа, 4 сентября 1839 г.] // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 8. С. 158–175 (2-я пагин.). (Продолжение.)

СТРАНИЦА

изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

V.

30 Іюня.

Къ брату.

Съ окончаніемъ нашихъ экзаменовъ—оканчивается и мое испытаніе, и моя внутренняя борьба. Все начинаетъ свѣтлѣть; легче на сердцѣ; отраднѣе для души. Предо мною уже не въ мечтѣ, но на самой дѣйствительности, разстилается далекій, можно сказать, неизмѣримый путь, сокрытый отъ меня еще въ туманѣ, но не смотря на то, путь заманчивый для меня, который неудержимо влечетъ меня къ себѣ,—который приведетъ меня къ желанной цѣли! Я уже думалъ, что препятствія, каждый день увеличивавшіяся, принудятъ меня отказаться отъ моихъ желаній, что намѣреніе мое неугодно Господу, Который хочетъ разрушить созидаемое мною и указать мнѣ новый путь, новые предметы для дѣятельности;—какъ вдругъ Господь все устроилъ такъ, что мнѣ ясно открывается мое назначеніе. Я въ прошедшемъ письмѣ уже писалъ Вамъ, что открылось для меня новое препятствіе, которое можетъ, противъ воли моей, удержать меня здѣсь;—теперь оно уже для меня не существуетъ; не знаю поступитъ ли Профессоръ Ун. въ миссію, для меня теперь все равно; одинъ изъ старшихъ студентовъ, желавшій ѣхать въ Пекинъ, по слабости здоровья и по домашнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, и его мѣсто начальникомъ миссіи оставлено за мною; двое или трое поѣдутъ въ Пекинъ, все равно: я непременно поступлю въ

число миссіонеровъ. Итакъ, безъ всякихъ происковъ, съ моей стороны, уладилось все дѣло; только сегодня, я самъ въ первый разъ говорилъ съ о. Поликарпомъ о моемъ желаніи сопутствовать ему, и сегодня я получилъ самое несомнѣнное увѣреніе, что я буду принять ими! Итакъ, почти уже рѣшеное дѣло, что я ѣду въ Китай и что, слѣд., я не могу быть дома, ранѣе конца ноября или начала декабря. Тогда мы всѣ снова увидимся въ домѣ Папеньки, чтобы разетаться на долго, на долго. Дай Богъ, чтобы не на всегда! Будемъ молиться Отцу Небесному, чтобы Онъ устроилъ все во благое, не далъ и мнѣ пасть подъ бременемъ разлуки въ дальней сторонѣ, чтобы Онъ позволилъ мнѣ опять увидѣть всѣхъ Васъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ покину Васъ! Господь нашъ—Отець Всемилосердый и Всеблагій! Чего же нельзя не надѣяться отъ Его щедрой десницы! Онъ, по милости Своей, сохранить подъ кровомъ Своимъ и меня и Васъ!

Чѣмъ же буду я заниматься въ Китаѣ? Двѣ главныя обязанности лежать на мнѣ. Онѣ должны управлять всею моею дѣятельностію. Первая изъ нихъ самая высшая изъ всѣхъ обязанностей, какую только можно возложить на человѣка,—обязанность Христіанина, какъ члена, хотя и самаго низкаго, матери нашей Церкви! Какъ христіанинъ я долженъ проповѣдывать Слово Сына Божія, возвѣщать людямъ, сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной, о Свѣтѣ Небесномъ, Который сходилъ на землю для просвѣщенія нашего.—Къ сожалѣнію нашимъ миссіонерамъ запрещено, и нашимъ и Китайскимъ Правительствами, открыто возвѣщать небесныя истины бѣднымъ идолопоклонникамъ! Весь кругъ моей дѣятельности долженъ ограничиться только людьми уже знакомыми съ главными началами христіанства! Далѣе я не могу простирать своей дѣятельности. По крайней мѣрѣ, здѣсь я могу открыто и свободно бесѣдовать о христіанствѣ, и излагать ученіе Божіе Русскимъ поселенцамъ, которые, къ сожалѣнію, очень бѣдны знаніями самыхъ необходимыхъ догматовъ нашей вѣры; чрезъ нихъ Слово Божіе можетъ насаждаться и въ другихъ—ихъ новыхъ соотечественникахъ; въ разговорахъ домашнихъ съ Китайцами, я могу распространять понятія христіанскія и возвышенныя, которыя бы возбуждали въ

нихъ жажду къ небесной истинѣ, —которыя бы рано или поздно приготовили ихъ къ принятію христіанскаго ученія. Да озарить свѣтъ небесный меня самого, чтобы я словомъ и дѣломъ могъ возвѣщать имъ слово и дѣла Сына Божія! Когда Господь поможетъ мнѣ научиться китайскому и манджурскому языкамъ, такъ что я въ состояннн буду писать на нихъ, то стану переводить христіанскія книги, —и самъ писать для наставленія и для назиданія христіанъ, а чрезъ нихъ онѣ могутъ распространяться и между Китайцами, какъ пылъ ходитъ по рукамъ ихъ Библія. —Для достиженія этой цѣли, равно и для питанія собственнаго духа, для укрѣпленія своего слабаго сердца, —я прошу Васъ указать на такія христіанскія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, которыя могли бы споспѣшествовать моему намѣренію; я постараюсь приобрѣсть важнѣйшія и необходимѣйшія изъ нихъ. Писанія Св. Отцевъ въ тамошней нашей бібліотекѣ есть почти всѣ. Съ этой стороны мы богаты! —Поле для воздѣлыванія —самое обширное, и вмѣстѣ, самое тѣсное; —будемъ сѣять, гдѣ можемъ, —да возраститъ самъ Господь! Съ пламенною ревностью готовъ дѣлать все, что только можетъ служить для спасенія бѣдныхъ, —заблуждающихъ братій; да подкрѣпитъ Ис. Христосъ мое намѣреніе и дастъ силы мнѣ осуществить его! О! еслибы хотя одна душа приняла чрезъ меня жизнь духовную —жизнь во имя Іисуса Христа! Но это уже дѣло Божіе, а не мое! Я буду возвѣщать имъ Христа; Іисусъ Христосъ Самъ придетъ и вселится въ нихъ! Молитесь же за меня, братецъ, чтобы Господь сдѣлалъ меня въ полномъ смыслѣ проповѣдникомъ Его славы, а не кимваломъ звяцающимъ! Это стремленіе служить Іисусу Христу подкрѣпитъ меня во всѣ тяжкія, скорбныя минуты, которыя, можетъ быть, встрѣтятъ меня, усладитъ горестъ души моей, еще слабой и неопытной. Господь и Его Слово —вотъ источники, изъ которыхъ буду черпать свои утѣшенія! Я радъ, что со мною ѣдетъ другъ мой о. Гурій, человекъ съ душою благородною, христіанскою, готовый всегда помогать мнѣ, когда изнемогу я, который обрекъ себя на служеніе Ис. Христу. (Къ Вамъ послано требованіе монашествующихъ въ Китай, но кажется напрасно; —покр. о. Гурій будетъ въ миссіи).

Вторая обязанность моя—быть полезнымъ для отечества; оно требуетъ отъ меня занятій ученыхъ. Во 1-хъ, я долженъ изучить манджурскій языкъ, такъ чтобы говорить и писать на немъ. По возвращеніи нашемъ изъ Китая, мы, свѣтскіе, будемъ писать всѣ грамоты отъ нашего Государя къ богдыхану; а грамоты пишутся на манджурскомъ языкѣ; такимъ образомъ мы необходимы будемъ для всѣхъ дипломатическихъ сношеній нашего двора съ Китайскимъ. Во 2-хъ, я долженъ заняться какимъ нибудь предметомъ особенно, для того, чтобы познакомить съ нимъ своихъ соотечественниковъ. Выборъ такого предмета совершенно зависитъ отъ меня. Чѣмъ же я, какъ ученый, долженъ заняться? Два предмета особенно привлекаютъ мое вниманіе, это—Китайская исторія и религія. На одинъ изъ нихъ я хочу обратить особенное свое вниманіе; затрудняюсь только въ выборѣ. Мнѣ бы хотѣлось заняться буддаизмомъ, какъ предметомъ самымъ занимательнымъ, болѣе питательнымъ для духа, весьма важнымъ потому, что эта религія слишкомъ далеко распространилась, что изъ нее проистекаютъ весьма многія вѣрованія востока, что, изученіе ея помогало бы мнѣ для осуществленія 1-й моей цѣли и для опроверженія злонамѣренныхъ христіанскихъ писателей. Источниковъ множество и подъ руками. Но, во 1-хъ, предметъ неисчерпаемый и необъятный для одного; во 2-хъ, что имъ хочетъ заниматься о. Поликарпъ,—занимаются нынѣшніе миссіонеры,—занимается здѣсь Шмидъ; болѣе или менѣе извѣстенъ онъ и ученымъ нашимъ и европейскимъ;—притомъ еще не знаю, какую частію этого обширнаго цѣлаго мнѣ достанется заниматься. Другой предметъ—исторія, мало разработанный, неизвѣстный Европейцамъ. Любопытно было бы слѣдить за ходомъ развитія этого стоячаго царства; и я бы съ охотою занялся этимъ предметомъ; но если писать полную исторію Китая, то для этого не достанетъ и жизни,—надобно ограничиться исторіею какой нибудь династіи, напр., хоть нынѣ царствующей; источниковъ много; но здѣсь вотъ еще невыгода: чѣмъ я буду повѣрять достовѣрность сказаній? Буддаизмъ я могу самъ изучить наглядно, но какъ я буду повѣрять прошедшее? Итакъ, я не знаю, что выбрать для себя предметомъ главнаго труда (предметовъ второстепенныхъ очень много; здѣсь я нахожу для себя обильную пищу). Надобно будетъ дать знать

въ Департаментъ, чѣмъ я стану заниматься; прошу Вашего совѣта; еще посовѣтуюсь съ о. Іакинѣомъ. Итакъ, вотъ чѣмъ и какъ я хочу заниматься. Къ тому надобно прибавить еще слѣдующее: надобно будетъ перевести какое нибудь китайское сочиненіе на русскій языкъ и представить Правительству. На дорогу мнѣ хотѣлось бы запастись какими нибудь учеными и особенно хорошими иностранными книгами; порекомендуйте мнѣ пожалуйста ихъ; не надобно же отрываться совсѣмъ отъ ученой Европы. Кромѣ собственно ученыхъ я взялъ бы съ собою Шиллера и Жанъ-Поля; когда я постою въ миссію, кажется, денегъ у меня будетъ довольно, чтобъ запастись. А съ Шиллеромъ будетъ пріятно въ грустное время побесѣдовать! Я его люблю отъ души. Простите меня за то, что я не пересылаю Вамъ денегъ Вашихъ, которыя Вы прислали мнѣ на дорогу ¹⁾. Право, онѣ мнѣ нужны; впрочемъ, я надѣюсь къ концу іюля, или съ августа получать уже жалованье; а теперь доколѣ живу Вашимъ жалованьемъ.

Знаете ли! еслибы я даже не задержанъ былъ своими обстоятельствами, я все не могъ бы ѣхать теперь въ Кострому. Всѣ студенты наши задержаны на неопредѣленное время; причина та, что намъ Графъ ²⁾ грозитъ своимъ и очень строгимъ экзаменомъ. Цѣль этого экзамена доколѣ еще рѣшительно неизвѣстна; догадокъ много; по крайней мѣрѣ достовѣрно, что онъ повлечетъ за собою очень важныя послѣдствія. Непрестанные праздники, кажется, Графу не позволятъ сдѣлать скоро экзамень, какъ ему хочется. Итакъ, бѣдные студенты сидятъ у моря и ждутъ погоды; если этотъ экзамень будетъ производиться не ранѣе числа 15-го, то я уже избѣгну его, и дай Господи!

Еще одна просьба: въ Костромѣ, пожалуйста, утѣшьте родителей; увѣрьте ихъ, что я обдумалъ свое намѣреніе, что это не прихоть какая нибудь или мечтательность, но влеченіе души, которое, если благословить Господь, принесетъ благіе плоды. Ваши слова прольютъ имъ много утѣшенія.....

¹⁾ т. е. домой, на вакацію.

²⁾ Н. А. Протасовъ, Оберъ-прокуроръ Св. Синода

VI.

Къ родителямъ.

Юля 25.

Еще нѣсколько дней--и мое дѣло совершенно рѣшится! Оно уже и теперь--почти кончено: остается только--объявить его. Благодареніе Господу, такъ мудро устроившему все во благо мое! Вы теперь смѣло можете поздравить меня однимъ изъ членовъ Пекинской миссиі. Но прежде, нежели такъ успѣшно устроилось дѣло мое, я долженъ былъ нѣсколько разъ переходить отъ радости къ горю, отъ надежды къ страху. Быстрая смѣна различныхъ, даже совершенно противоположныхъ чувствованій, поизмучили меня; но теперь я совершенно освободился отъ всѣхъ заботъ; отдыхаю всею душою. Въ прошедшемъ нисѣмъ я уже писалъ Вамъ, что тогда еще пришло требованіе въ Академическое правленіе; но что оно еще не объявлено. Съ нетерпѣніемъ я ожидалъ времени, когда намъ объявятъ требованіе. И что же? Изъ Азіатскаго Департамента требовали вообще двухъ студентовъ; но Графъ велѣлъ избрать этихъ двоихъ изъ окончившихъ курсъ, а не изъ младшихъ. Такимъ образомъ разрушались всѣ мои надежды и планы! Въ ужасномъ смущеніи я пришелъ къ о. Поликарпу, -- рассказалъ ему все; онъ увѣрялъ меня, что мнѣ нечего опасаться, что мое имя уже записано въ Азіатскомъ Департаментѣ и что меня вытребуютъ сами, если мнѣ не позволятъ подписаться на требованіи. Изъ старшихъ на это требованіе подписались *двое*, -- одинъ изъ нихъ давно уже былъ въ виду у о. Поликарпа, другой самъ напрашивался въ миссію. Къ счастью моему соперникъ мой для меня былъ не опасенъ; это былъ одинъ изъ униатовъ и при томъ Полякъ; но по коренному положенію миссиі въ ней могутъ участвовать только *природные Русскіе*, и притомъ *Грекороссійскаго вѣроисповѣданія*; такимъ образомъ, мой Панъ никакъ не могъ быть мнѣ пренятствіемъ. Узнавши, что другихъ искателей не было, а изъ объявившихъ желаніе поступить въ миссію можетъ быть принятъ только одинъ, и слѣд., одна вакансія остается пустою, я ходилъ къ о. Ректору ¹⁾ и просилъ его, чтобы онъ мнѣ позволилъ или подписаться на требо-

¹⁾ Архимандритъ Николай (Доброхотовъ), съ 1841 г. епископъ Тамбовскій.

вавін, или подать въ Акад. Правл. прошеніе, чтобы оно представило куда слѣдуетъ о моемъ желаніи. О. Ректоръ принялъ мою просьбу весьма милостиво; въ своемъ представленіи о кандидатахъ на вакансіи при миссіи онъ упомянулъ и обо мнѣ, присовокупивъ, что „если студентъ Шестаковскій (Полякъ) не можетъ по какимъ-нибудь причинамъ поступить въ миссію, то его можетъ замѣнить младшій студентъ Владим. Горскій и по своимъ отличнымъ успѣхамъ, и по своему отличному поведенію“; въ приложенныхъ къ этому представленію нашихъ свидѣтельствахъ, онъ далъ мнѣ (спасибо ему отъ всей души) рекомендацію, лучшую нежели старшимъ. Итакъ, я уже былъ нѣсколько успокоенъ. Но меня тревожила еще мысль, что Графъ, не зная препятствій, не позволяющихъ поступить Шестаковскому въ миссію, вычеркнетъ мое имя изъ представленія, какъ лишнее; тѣмъ болѣе можно было опасаться этого со стороны Графа, что онъ самъ назначилъ требовать только изъ старшихъ. Но теперь и это препятствіе устранено. О. Поликарпъ нарочно былъ въ Азіатскомъ Департаментѣ и объяснилъ тамъ весь ходъ дѣла. Мало этого, онъ писалъ къ Вице-президенту Аз. Деп. Вице-Канцлеру Нессельроде обо мнѣ, и тотъ обѣщалъ ему совершенно выполнить его желаніе; чтобы выполнить свое обѣщаніе, онъ въ тотъ же день писалъ самъ объ этомъ къ Графу и извѣстилъ тогда же о. Поликарпа, что дѣло будетъ сдѣлано такъ, какъ онъ просилъ. Итакъ, мое дѣло уже кончено, хотя и не формально. Еще одинъ шагъ,—и я уже пойду по тому пути, который указалъ мнѣ самъ Господь, на который благословили Вы меня и который избранъ моимъ сердцемъ. Снова прошу Васъ, не жалѣйте обо мнѣ! Съ Божіею помощію, я иду по своему назначенію, къ своему счастью. Мое стремленіе не только не ослабѣваетъ, но еще день ото дня возрастаетъ; я теперь бодръ и духомъ и тѣломъ! Я теперь засыпаю и пробуждаюсь съ мыслью о Васъ и о Пекинѣ! Желаніе мое ѣхать въ Пекинъ изумило и наставниковъ и товарищей моихъ. Никому даже и въ голову не приходило, что это желаніе давно уже занимало душу мою, что оно не есть слѣдствіе минутной вспышки, а плодъ обдуманнаго рѣшенія. Многіе ждуть, что я откажусь отъ своего прошенія. Теперь каждый день я слышу множество возраженій и

одобреній. Одни хвалятъ мое намѣреніе, другіе—бранятъ. Но пусть какъ кому угодно, такъ и думаютъ! Они не знаютъ ни моихъ намѣреній, ни моихъ побужденій! И ихъ возраженія такъ незначительны для меня, что мнѣ даже смѣшно слушать ихъ! Странно, что у людей за страсть—вмѣшиваться въ чужія дѣла, мѣрять все своимъ аршиномъ, навязывать каждому свой взглядъ! Но что мнѣ до мнѣній ихъ? Для нихъ моя душа — потемки! Только Ваши слова дороги для меня, предъ Вами открыта душа моя; Вы одни можете оцѣнить мое намѣреніе! А они?... Для нихъ это все сокрыто подъ непроницаемымъ покровомъ! Кимвалы звяцающіе! Имъ бы нужно было немножко помолчать! Но довольно объ этомъ. Я радъ тому, что тѣ, которые поглубже проникаютъ въ это дѣло, хвалятъ мое намѣреніе.

Что же я хочу теперь дѣлать? Есть еще у меня одно желаніе, которое мнѣ хотѣлось бы осуществить и которое, при помощи Божіей, я надѣюсь выполнить. Что же это за желаніе? — спросите Вы. Мнѣ хотѣлось бы получить отъ Академіи какую-нибудь ученую степень. Вы знаете, что я, какъ не окончившій курсъ, не имѣю никакого аттестата ни отъ Академіи, ни отъ Семинаріи. Правда, что я для успешной службы не имѣю особенной надобности ни въ какой ученой степени, тѣмъ болѣе, что у меня нѣтъ никакой страсти къ чинамъ. Притомъ, я поступаю на степени свѣтскаго студента, слѣд. непременно въ 12 классъ. О. Поликарпъ даже обѣщался хлопотать, чтобы меня приняли прямо въ 10 классъ; впрочемъ, за успѣхъ этихъ хлопотъ его я нисколько не ручаюсь; но эта степень выгодна была бы для моихъ ученыхъ трудовъ; притомъ, по пріѣздѣ, она мнѣ дала бы полное право для занятія кафедрой по Восточнымъ языкамъ во всякомъ высшемъ учебномъ заведеніи; она бы сообщила нѣкотораго рода авторитетъ и моимъ завятіямъ. Для этой цѣли я хочу держать экзамень на какую-нибудь ученую степень. Дмитрій Ѳедорычъ ¹⁾ и Дмитрій Ѳедотычъ ²⁾, наши законовѣдцы, говорятъ, что мнѣ могутъ позволить

¹⁾ Вознесенскій, бакалавръ словесности, магистръ 9-го курса Спб. академіи.

²⁾ Гусевъ, бакалавръ математики въ Спб. академіи, магистръ 10-го курса Московской академіи.

держатъ экзаменъ на степень магистра или кандидата по философіи, или словеснымъ наукамъ, или по исторіи. Основываясь на ихъ словахъ, я по утверженіи моего дѣла, послѣ личнаго объясненія съ о. Ректоромъ, думаю подать прошеніе въ Акад. Правленіе, чтобы мнѣ позволили держать экзаменъ на *магистра философіи*. Мнѣ хотѣлось бы получить степень именно по философіи, потому что это одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ, особенно въ свѣтскихъ глазахъ, и потому что, если я стану заниматься буддаизмомъ, то по необходимости долженъ буду вступать и въ область философіи. Если я получу степень кандидата или магистра, если даже и дѣйствительнаго студента, то все-таки для меня будетъ выгодно; а если и не получу (чего, впрочемъ, не думаю), то и тутъ ничего не проигрываю: для некончившаго курса простительно и не выдержать экзамена. Притомъ эта неудача мнѣ ни мало не помѣшаетъ, потому что, по приѣздѣ въ Россію изъ Китая, я могу держать экзаменъ и уже не на магистра, а на степень *доктора* филологіи, потому что я тогда изучу четыре Восточныхъ языка и въ состояніи буду держать экзаменъ. Нужно только знать, чего потребуютъ отъ желающаго получить степень доктора филологіи, и заранѣе, исподволь приготовить себя къ испытанію. Только нужно попросить брата, чтобы онъ написалъ, гдѣ я могу узнать объ условіяхъ, подъ которыми можно получить доктора филологіи. Но будущее впереди, теперь обратимся къ настоящему. Какъ Вы смотрите на мое намѣреніе? Рѣшаться ли мнѣ на экзаменъ? Кажется, съ Божьяго благословенія, можно попытать счастья! Для чего же не пользоваться и настоящимъ, когда можно пользоваться имъ! Надѣюсь, что получу отъ Васъ отвѣтъ благопріятный. Дмитрій Ѳедорычъ совѣтуетъ мнѣ такъ поступить и даже обнадеживаетъ успѣхомъ. Вотъ все, что я могъ Вамъ написать о дѣлахъ моихъ!

Вы пишете, какъ я буду хозяйничать въ Петербургѣ и въ Пекинѣ? На этотъ счетъ не безпокойтесь; квартира и столъ уже для меня готовы; лѣкаръ, назначенный въ нашу миссію, уже нанялъ квартиру и со столомъ и мебелью; мѣста довольно и для насъ; онъ приглашалъ къ себѣ и насъ двоихъ; итакъ, мы прямо къ нему и переѣдемъ; съ человѣка рублей 60; по-Петербуржски—это дешево; могутъ

на его квартирѣ жить не только трое, но даже четверо; даже наша квартира не такъ удалена отъ центра города. У лѣкаря есть человѣкъ, который будетъ прислуживать и намъ. Столъ будетъ состоять изъ четырехъ кушаньевъ. По счету—даже много; не знаю, какія они по названію и по качеству. Да, впрочемъ, это дѣло уладится; жалованья, которое я буду получать въ Петербургѣ, достаточно на всѣ траты. Что касается до будущей жизни въ Пекинѣ, то и тамъ я буду почти освобожденъ отъ всѣхъ этихъ хлопотъ. Столъ будетъ у насъ общій; деньги, которыя выдаются каждому миссіонеру на столъ, поступаютъ въ общую кассу, и потому всѣ равно заботятся о столѣ; каждому придется по мѣсяцу въ годъ похлопотать на этотъ счетъ,—не болѣе; одинъ мѣсяць куда ни шло. Такъ какъ денегъ отпускается на каждыя съ избыткомъ (500 цѣлковыхъ), то бывають еще остатки, которые по окончаніи года дѣлятся между миссіонерами, и часто, при порядочной экономіи, по дѣлежу достается по 20 фунтовъ серебра. Квартира тамъ, съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и экипажемъ—готовая; значитъ, мы заживемъ тамъ какъ наны; а для большаго почета нашимъ особамъ въ Пекинѣ насъ будетъ охранять еще богдыханская стража. Такъ то мы обезопасены со всѣхъ сторонъ...

Касательно выбора предмета, какимъ мнѣ заниматься въ Пекинѣ, я и самъ колеблюсь. Отъ всей души я хотѣлъ бы заняться исторіею, которую я очень люблю, но боюсь потеряться въ миѳической древности Китайской, утонуть въ безднѣ лѣтописей ихъ и историческихъ сказаній. Развѣ отдѣлить какую-нибудь отдѣльную часть Кит. исторіи. Нѣтъ спора, что трудъ новый и по своей неизвѣстности занимательный, даже очень важный; но при всемъ томъ и слишкомъ тяжкій. Я переговорю объ этомъ съ о. Іакинѣомъ.

Вы пишете, маменька, о портретѣ; право, моя персона очень и очень незанимательна и не стоитъ того, чтобы ее намалевать масляными красками. Вы, любезнѣйшая маменька, слишкомъ заботитесь обо мнѣ; я не знаю и не умѣю быть благодарнымъ Вамъ за всю полноту Вашей любви. Деньги у меня еще доколѣ есть по милости любезнѣйшаго братца, а тамъ буду получать и жалованье. На счетъ вещей я теперь еще не могу Вамъ дать подробнаго

отчета; это сдѣлаю я въ будущемъ письмѣ. Милой сестрицѣ я очень благодаренъ за ея письма.

VII.

Къ родителямъ.

8. Августа.

Спѣшу порадовать Васъ приятною вѣстію! Слава Богу! Мое дѣло уже кончилось! 4 Августа пришла бумага объ утвержденіи меня студентомъ при Пекинской миссіи.—Я вчера просилъ у отца Ректора позволеніе держать экзаменъ на ученую степень,—о. Ректоръ позволилъ; принялъ мою просьбу; въ тотъ же день сдѣлана была справка, свидѣтельство о. Р. далъ мнѣ прекрасное; и черезъ четыре года не получишь такого; это свидѣтельство меня весьма много обнадеживаетъ; изъ Академіи я уже уволенъ; только изъ консисторіи долженъ получить отношеніе въ департаментъ,—и тогда на вѣки расширяюсь съ дух. званіемъ. Но въ консисторіи все задерживаютъ меня; и подь самымипустыми отговорками не выдаютъ мнѣ до сихъ поръ отношенія; по два раза на день хожу туда и все напрасно! Досада ужасная.

Теперь я къ Вамъ, Папенька и Маменька, съ покорнѣйшею просьбою оденьгахъ; я думалъ, что жалованіе за мѣсяцъ получу впередъ, а вышло не такъ; тогда этихъ денегъ мнѣ достаточно было бы. на исправленіе нуждъ самыхъ необходимыхъ и на содержаніе, но жалованіе мнѣ выдаютъ въ началѣ сентября, числа 3 или 4,—т. е. по истеченіи мѣсяца; между тѣмъ, въ концѣ этой недѣли мнѣ нужно будетъ переходить на общую квартиру. Если можно, то не оставьте меня. Болѣе писать мнѣ некогда; хлопотъ у меня множество, и по консисторіи, и по правленію, и по сдачѣ книгъ и нѣкоторыхъ казенныхъ вещей, и по квартирѣ.

VIII.

Къ брату.

14 Августа.

Спѣшу Васъ поздравить съ наступающимъ днемъ Вашего рожденія. Дай Богъ, чтобы и новый годъ Вашей жизни, подобно прошедшимъ, былъ свидѣтельствомъ милостей Отца

Небеснаго, которыми Онъ ущедрялъ Васъ! Съ новымъ годомъ жизни Вашей да обновятся и возрастутъ силы Ваши душевныя и тѣлесныя! Поздравляю Васъ съ пріѣздомъ Вашимъ въ Лавру! Что видѣли и что слышали новаго въ Костромѣ? Что касается до меня, то со мною въ эти немногіе дни случилось много новаго. Въ эти дни я сдѣлалъ нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ, которые вывели меня на другую дорогу, которая повела меня къ другимъ цѣлямъ, нежели какія мнѣ представлялись прежде. Господу угодно было осуществить мои желанія и надежды; и эту милость Отца Небеснаго я признаю за самое неизмѣнное содѣйствіе Его моему стремленію! 4 августа пришла бумага въ Академическое Правленіе объ утвержденіи меня студентомъ при Пекинской миссіи. 5 Авг. я уже не былъ болѣе студентомъ С. - пб. Д. Акад., но уже перешелъ въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства. 9 августа я уже уволенъ изъ дух. званія, и въ тотъ же день былъ представленъ въ Департаментъ; новыя начальники мои приняли меня очень ласково и дружелюбно. Дай Богъ, чтобы они и всегда такъ принимали меня. 12 августа я уже оставилъ и Академическое зданіе. Со слезами на глазахъ я расстался съ доброю Академіею! Спасибо ей за два года; кромѣ добра я ничего не получалъ отъ нея; какъ же не погрузить о ней! Двухъ-годичная студенческая жизнь моя оставила во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Прошедшее для меня представляется въ самыхъ прекрасныхъ чертахъ, а будущее кажется еще лучшимъ, потому Вамъ легко понять, каково мое настоящее, и, въ какомъ расположеніи духъ мой; настоящее образуется изъ прошедшаго и будущаго; результатъ ясенъ. На квартирѣ живемъ цѣлою миссіею; столъ, хозяйство и квартира общая; слѣд. не скучно и не тяжело намъ. Таковы мои дѣла!

Вы пишете ко мнѣ, что едва ли позволить мнѣ Правленіе держать экзаменъ на ученую степень, и еще, чтобы я позаботился получить себѣ дѣйствительнаго студента. Вотъ мой отвѣтъ. Выслушавши указъ объ опредѣленіи меня въ миссію, я ходилъ къ о. Ректору просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ держать экзаменъ на ученую степень. О. Ректоръ безъ всякаго прекословія согласился на мою просьбу и позволилъ мнѣ подать прошеніе въ А. П., которое и было принято, и Ак.

конференція сдѣлала опредѣленіе такого содержанія: „Въ уваженіе отличныхъ успѣховъ и отличнаго поведенія с. В. Г., который, выходя на службу государству, не имѣеть средствъ окончить курсъ и получить такимъ образомъ степень, дозволить держать экзаменъ, и ходатайствовать о немъ у Оберъ Прокурора, испросивъ на то напередъ согласія у Пр. Серафима“. При опредѣленіи была приложена справка, въ которой о. Ректоръ далъ мнѣ самую лучшую рекомендацію, какой можетъ быть я не получилъ бы и проживши въ Академіи четыре года. На журналѣ, въ которомъ было прописано мое прошеніе, опредѣленіе Академическое вмѣстѣ со справкою и выпискою изъ законовъ, Преосвященный написалъ: „Согласенъ“. Теперь дѣло мое пошло къ Графу; надѣюсь, что и Графъ, основываясь на рекомендаціи Правленія и опредѣленіи и на согласіи митрополита, не откажетъ въ моей просьбѣ. Еще, основываясь на той же рекомендаціи, я надѣюсь получить кандидата; магистра едва ли мнѣ дадутъ, потому что одинъ изъ старшихъ монаховъ, кончившій курсъ, ѣдетъ младшимъ кандидатомъ, да и свѣтскій мой товарищъ также кандидатъ, но не дать мнѣ кандидата, при такой отличной рекомендаціи, и при экзаменѣ, кажется, совѣстно будетъ Акад. началству. Скоро, думаю, бумага сойдетъ отъ Графа; Ректоръ на прощаньи со мною сказалъ—готовьтесь къ экзамену, а экзамена просилъ я себѣ по *словесности*. Во всякомъ случаѣ дадутъ или нѣтъ мнѣ кандидата, въ степени студента я не сомнѣваюсь. Письмо Ваше къ Дм. Ѳед. маленька переслалъ ко мнѣ для личнаго врученія Д. О., но я получилъ его въ тотъ самый день, когда онъ уѣхалъ въ Гансаль на 28 дней, гдѣ живетъ больная жена его, которая лѣчится на минеральныхъ водахъ. Доставлять ли мнѣ его, когда Д. Ѳед. пріѣдетъ, или Вы уже другое напишете? Да нельзя ли будетъ Вамъ что нибудь написать къ Д. Ѳедотычу, который теперь завѣдываетъ дѣлами по конференціи, или къ о. Инспектору ¹⁾, или къ обоимъ. Если можно и если сочтете это нужнымъ, то сдѣлайте такую милость.

Вы пишете, что при новыхъ занятіяхъ моихъ трудно будетъ мнѣ готовиться къ экзамену устному и письменному,

¹⁾ Архимандритъ Филовей (Успенскій), впоследствии митрополитъ Кіевскій, магистръ 8 го курса Масковской академіи и товарищъ А. В. Горскаго.

но что же дѣлать? Надобно нѣсколько дней особенно потрудиться, чтобъ устроить свое счастье. Числу къ 15 сентября буду просить себѣ устнаго испытанія; надобно развязаться съ нимъ поскорѣе. Хорошо, если бы они мнѣ скорѣе дали предложеніе для сочиненія, я бы пообдумалъ его теперь. Въ послѣднемъ случаѣ—какой выбрать для себя предметъ и руководство, не можете ли мнѣ что-нибудь посоветовать объ этомъ предметѣ. Д. О. теперь нѣтъ! Къ концу ноября придется, можетъ быть, мнѣ еще другой экзамень держать по манджурскому и китайскому языку. Съ 17 числа хотять начать классы; три лекціи китайскаго и двѣ лекціи манджурскаго языка, классы въ 6 часовъ вечера до 8 во вторникъ, среду, четвергъ, пятницу, субботу.

Р. С. Сегодня я слышалъ, что Графъ утвердилъ мое дѣло. Итакъ, поздравьте!...

IX.

Къ брату.

Сент. 4.

Примите отъ меня, хотя и позднее, но искреннее поздравленіе съ днемъ Вашего Ангела! Богъ да наградить Васъ всеми благами за Вашу особенную доброту, за Вашу любовь ко мнѣ! Вы столько оказали мнѣ благодѣяній, что я никогда не буду въ силахъ отблагодарить Васъ за нихъ! По крайней мѣрѣ я умѣю чувствовать ихъ и быть всегда признательнымъ, и, да забудетъ меня Господь, если я когда-нибудь забуду о Вашей помощи, которую Вы оказали въ моемъ дѣлѣ, положившемъ начало новой для меня жизни, — жизни, которую избрало сердце мое, которая, при благословеніи Божиемъ, поведетъ меня къ земному счастью!

День Вашего вступленія на чреду земной жизни былъ для меня днемъ вступленія на поприще жизни общественной. 16 го Августа, послѣ молебна, совершеннаго нами въ Департаментѣ, я, въ присутствіи новыхъ властей монашъ, предъ лицомъ Самого Бога, далъ торжественную клятву служить до послѣдняго издыханія вѣрою и правдою Царю и Отечеству. Это еще первая общественная клятва, которою связалъ я душу свою; и какъ сильно она подѣйствовала на меня! Невольный страхъ объялъ меня, когда я произносилъ обѣтъ не щадить живота своего для блага об-

щаго и порукою въ искренности моей клятвы поставилъ свою вѣчность! Мнѣ казалось, что вся Россія слышала мои обѣты, чтобы послѣ испытать, вѣренъ ли я своимъ обѣщаніямъ. О! да дастъ Господь мнѣ силъ выполнить то, что на меня возложено! А ревности у меня много! При содѣйствіи Его благодати, я надѣюсь быть вѣрнымъ сыномъ Отечества! Но если, съ одной стороны, страшно давать такую присягу, то, съ другой стороны,—не менѣе и отрадно! Съ той минуты, какъ я принялъ присягу, я уже смотрю на себя не какъ на мальчика, на школьника, который еще только готовится вступить въ жизнь общественную, но уже какъ на мужа, на члена общества, на его дѣйствателя! Съ той минуты я уже совершенно принадлежу Отечеству; жить для него и умереть за него, — вотъ мой долгъ, мое желаніе!

Поздравьте же, братецъ, меня съ титуломъ гражданина, и гражданина Русскаго. Порадуйтесь со мною, что Господь даетъ мнѣ средства быть полезнымъ для другихъ. 16 Авг. 1839 г.—будетъ навсегда незабвеннымъ днемъ для меня!

Вамъ грустно подумать, что я уже не принадлежу къ тому сословію, которое воспитало меня и которое имѣло право требовать отъ меня служенія на пользу себѣ. Вѣрите, братецъ, что я не безъ сожалѣнія оставилъ духовное званіе, которое я всегда любилъ и буду любить. Но Господу угодно, чтобы я трудился не на этомъ, но на другомъ поприщѣ! Можетъ быть Господь видѣлъ, что я недостойнъ того высокаго званія, къ которому былъ призванъ своимъ рожденіемъ, или что я на настоящемъ мѣстѣ буду гораздо полезнѣе для другихъ, нежели на томъ, на которомъ я доселѣ былъ. Господь дѣйствуетъ всегда по благимъ цѣлямъ. Съ смиреніемъ и любовію лобызаю Его святую десницу, которая повела меня на другое поприще. Молю только Господа, чтобы Онъ озарилъ меня свѣтомъ ученія и благодати Своей и далъ мнѣ и среди міра—быть внѣ міра.

Вамъ кажется страннымъ, что я держу экзамень по словесности, а не по философіи, какъ думалъ прежде; на это у меня есть много причинъ. 1) Товарищъ мой и по академической и настоящей жизни, о. Гурій, также просилъ себѣ экзамена на степень, только по Богословію. Просьба его днями двумя ранѣе моей поступила въ правленіе; я хо-

тѣль напередъ испытать, что скажутъ на это наши власти. Что же? Никто, кромѣ профессора философіи ¹⁾, не возсталъ противъ его желанія; поэтому, мнѣ показалось неблагоразумнымъ держать экзамень по такому предмету, профессоръ котораго, главное лицо на экзаменѣ, смотритъ на такое дѣло не совсѣмъ благопріятно. Правда, и въ другомъ случаѣ, онъ можетъ сказать тоже; но тогда голосъ его не будетъ такъ важенъ и силенъ. II) Держать экзамень по словесности, мнѣ кажется, легче, нежели по философіи. III) Дмитрій Ѳеодорычъ, на распложеніе коего ко мнѣ я исполнилъ надѣюсь, можетъ болѣе оказать мнѣ своей помощи когда я держу экзамень по его предмету, а не по другому. IV) Дмитрій Ѳеодотычъ увѣрялъ меня, что я, буду ли держать экзамень по словесности, по философіи или по исторіи,—степень все мнѣ дадутъ по философіи. V) Дѣло это уже теперь совершенно кончено; значить, измѣнить его уже нельзя. Еще 16 Авг. бумага моя сошла отъ Графа съ такою резолюціею: дозволить такому то держать какъ устный, такъ и письменный экзамень и о послѣдующемъ донести мнѣ. 15-го Сентября я уже буду держать устный. Да поможетъ мнѣ Господь благоуспѣшно окончить мое предначинаніе. Притомъ, если мнѣ дадутъ степень и по словесности, то, кажется, права будутъ однѣ и тѣ же, если бы я держалъ экзамень и по философіи. Вотъ причины, почему я держу экзамень по словесности, а не по философіи и, кажется, причины очень уважительныя. Касательно предложенія для разсужденія я сообщу Вамъ слѣдующее: о. Ректора я просилъ, чтобы онъ далъ мнѣ заранѣе какое-нибудь предложеніе. Онъ сказалъ: „Хорошо, —подумаю, какое Вамъ дать предложеніе“. Потомъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и сказалъ: „да изберите сами; представьте мнѣ предложенія два— три, которыя Вамъ особенно понравятся и я одно какое-нибудь изъ нихъ утвержу. Но я еще до сихъ поръ не избралъ себѣ предложенія. Выбрать предложеніе по словесности—довольно трудно; надобно избирать такое, чтобы не задѣтъ никого; всего лучше—взять ему для разсужденія изъ Ѳеоріи Словесности. Но Вы сами знаете, какъ всѣ эти Ѳеоріи еще не разработаны и шатки; притомъ еще

¹⁾ В. Н. Карповъ, изъ бакалавровъ Кіевской академіи.

наша Теорія Словесности не вездѣ ладить съ нашею фило-софіею. Значить, надобно будетъ избрать себѣ предложеніе изъ Исторіи Литературы. Но и тутъ трудность; не легко выбрать предложеніе и важное и не слишкомъ обширное; притомъ, надобно взять такое предложеніе, которое бы ближе шло къ нашему духовному образованію и вмѣстѣ принадлежало бы къ кругу словесности. Два предложенія особенно мнѣ нравятся: I) показать отличительный характеръ священной поэзіи вообще, или обратить вниманіе на одну отдѣльную какую-нибудь книгу Св. Писанія, и разсматривать ея достоинства какъ словеснаго, изящнаго произведенія; II) показать вліяніе христіанства на изящную литературу вообще, или въ частности, на поэзію, или краснорѣчіе. Оба эти предложенія очень важны, близки къ нашему образованію и занимательны, но оба они и обширны. Первое еще требуетъ особенной осторожности во взглядѣ, мысляхъ и выраженіи. Одна мысль, въ другую сторону истолкованная, можетъ испортить все дѣло; второе—еще не довольно ясно въ моемъ представленіи. Для перваго я имѣю планъ, по крайней мѣрѣ, знаю пособіе, — это сочиненіе Гердера, хотя пособіе во многихъ мѣстахъ и опасное; для втораго—не имѣю ничего! Какъ бы то ни было, я не рѣшусь избрать себѣ предложенія до пріѣзда Дмитрія Оедорыча, котораго уже ждутъ со дня на день. Съ нимъ я посовѣтуюсь и по его совѣту буду уже дѣлать. Боюсь только, что мало будетъ времени заняться предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что уже съ 16 числа у насъ начались лекціи. Каждый день, исключая субботу, мы съ 6 до 8 вечера слушали лекціи Китайскаго и Манджурскаго языковъ. Вы скажете, что времени классическаго мало, что я довольно свободенъ; свободенъ, да не совсѣмъ; Китайскій языкъ такъ самобытенъ и оригиналенъ, такъ противоположенъ нашимъ языкамъ, что отъ своего адента требуетъ особеннаго вниманія. Онъ очень простъ и вмѣстѣ очень труденъ: легко понять его механизмъ, но не легко для памяти. Поэтому онъ требуетъ еще домашнихъ занятій, тѣмъ болѣе, что надобно быть готовымъ къ каждому классу, на которомъ нерѣдко бываетъ и начальникъ отдѣленія. Теперь я и къ устному экзамену готовлюсь и занимаюсь своими языками, а о разсужденіи думать и некогда.

Вотъ какъ я живу. Да! еще у меня къ Вамъ большая просьба: я спрашивалъ Васъ, что Вы слышали въ Костромѣ? Мнѣ хотѣлось и хочется знать, что Вамъ родители говорили о моемъ дѣлѣ, — о поѣздкѣ въ Пекинъ? Какъ они теперь смотрятъ на это? Въ домашней бесѣдѣ говорится все искреннѣе, нежели на письмѣ. Не слишкомъ ли плачутъ обо мнѣ? Не безотраднѣе ли кажется имъ мое путешествіе? Что говорятъ родные? Я думаю, что меня обвиняютъ порядкомъ? Кстати, напишите еще, что говорятъ обо мнѣ и тѣ, которые знали меня; я слышалъ уже, что меня Ив. Дм. считаетъ чуть-чуть не сумасшедшимъ. Конечно, послѣднее — вздоръ, но вздоръ любопытный для меня. Я надѣюсь, что Вы, касательно перваго пункта, будете со мною вполне откровенны. Сдѣлайте милость, братецъ, не скрывайте отъ меня ничего: этотъ пунктъ меня слишкомъ занимаетъ; не думаю, чтобы Вы со всею искренностію не исполнили моего желанія.

Простите. Вашъ Владиміръ.

Надѣюсь отъ Васъ очень скоро получить письмо.
